

Андрокл вздохнул, посмотрел на маленькую обшарпанную гостиницу и пожалел, что не находится так далеко от Славы. Здание было приземистым и ветхим, и он смог узнать его только по изображению горшка с вином на двери. Он тоже был целиком сделан из дерева, а не из камня, и выглядел заплесневелым на земле. Кроме того, всего лишь час после захода солнца было подозрительно тихо. Через пять месяцев своего путешествия он обнаружил, что варварские земли на севере были такими плохими, как все говорили.

Он знал, что сможет идти ещё день или два, прежде чем действительно начнёт проголодаться, но решил, что в этом нет смысла. До сих пор ему это удавалось, несмотря на то, что боги все усложняли, чем нужно. Он поправил плащ, чтобы скрыть ксифос (1), поскольку листовая пластинка имела свойство нервировать нецивилизованных людей, стряхнул пыль с юбки, провёл руками по волосам, чтобы пригладить пряди, выбившиеся из его косы, и зашёл внутрь.

Нырнув в дверной проем, Андрокл увидел, что лампы ещё горят, хотя некоторые уже погасли и больше не зажигались. По всей комнате было расставлено несколько неукрашенных деревянных столов и стульев, оставляя место у огня для нескольких спящих, закутанных в одеяла. Все было тихо и мертво; только официант, который был не более чем бледным, тощим ребёнком с растрёпанными каштановыми волосами, не спал. Он сидел на столе, лениво болтая ногами. Увидев входящего Андрокла, он устало спрыгнул со своего места и приветствовал его поклоном. «Добро пожаловать в дом Келда, хозяин. Пожалуйста, садитесь, где хотите». Затем он наблюдал, как Андрокл искал самый чистый стул и стол и сел.

— Ты не закрыт, мальчик? — спросил Андрокл. «Почему здесь никого нет?»

«Нет, хозяин, мы открыты, — начал мальчик, но ему пришлось остановиться, чтобы подавить зевок, прежде чем продолжить. — Мы открыты, и у нас есть хлеб и сыр, яблоки, сливовое вино и тёплый огонь. И у нас есть гости, но они сейчас спят, — сказал мальчик, кивая на камин и лежащих там людей.

«Кто-нибудь появится? Я надеялся сыграть, — спросил Андрокл, не заботясь о том, насколько раздраженно он прозвучал.

«Я не знаю, хозяин. Я так не думаю, потому что уже поздно, и люди обычно не появляются так долго после наступления темноты. Но завтра, когда все придут с полей, они смогут сыграть в азартные игры», — ответил мальчик.

Андрокл смиренно вздохнул. Он открыл свой кошелек, заглянул внутрь и сказал: «Хорошо. Похоже, у меня осталось два медяка. Что мне это даст?»

Мальчик посмотрел на него нервно и оценивающе, затем ответил: «Я думаю... горшок сливового вина и яблоко, я думаю. Или хлеба вместо яблока. Его взгляд был устремлен на ксифос, который был обнажен, когда Андрокл сидел, как будто меч вот-вот выскочит и начнёт атаковать людей сам.

«У вас есть виноградное вино? Или пиво? — спросил Андрокл.

— Нет, хозяин, только слива.

«Как можно не выпить пива? Я полдня ходил по ячменным полям!»

«Я не знаю, хозяин. У нас их сейчас просто нет».

«Затем горшок сливового вина и хлеб».

Мальчик ушёл за товаром, и Андрокл вздохнул про себя, размышляя, стоит ли ему ослабить сандалии. Теперь, когда у него действительно закончились деньги, родина Деллы начинала казаться очень далёкой. Возможно, вскоре ему придётся искать работу, и кто знает, за что ему заплатят варвары. Наверное, это было бы хуже, чем рабская работа. Мальчик снова появился с простым горшком для питья и половиной хлеба, который он поставил перед Андроклом, стараясь не дать горшку перекатиться и пролиться.

Он откусил большой кусок хлеба. На самом деле он был неплохим — немного более солёным, чем хлеб в «Славе», но был приготовлен из хорошего зерна. Официант сказал: «Надеюсь, это пойдёт вам на пользу, хозяин». Андрокл лишь пожал плечами, отвлёкшись.

Но мальчик похлопал его по плечу и спросил: «Можно мне медные монеты, хозяин?» Андрокл вздохнул и протянул их мальчику, но тот, казалось, колебался. Через мгновение мальчик стиснул зубы и осторожно взял монеты с ладони Андрокла, стараясь не касаться его руки.

В «Славе» мальчики его возраста с трудом могли бы служить такому ветерану, как Андрокл. Руки и ноги, толстые, мускулистые, покрытые шрамами, и прожившие достаточно долго, чтобы уйти на пенсию? Они будут уверены, что он герой, и ему придётся отмахнуться от них, чтобы насладиться едой.

Но не этот мальчик, потому что он был варваром, лишённым чувства настоящей цивилизации. Мальчик быстро поклонился и сказал: «Спасибо, хозяин». Затем он сразу же повернулся и направился к куче чистящих средств в углу, где без особого энтузиазма начал заниматься домашними делами.

Делать больше нечего, Андрокл наблюдал за ним. Мальчик явно не был лаофилянином — плоские светлокаштановые волосы, слишком бледная кожа, незабываемые черты лица. Совершенно невзрачный ребёнок девяти-десяти лет. Его пятнистая фиолетовая туника, вероятно, была белой и хорошо подогнанной год назад, но теперь она становилась слишком тесной и доходила лишь до половины колен. Судя по всему, этой зимой мальчику тоже будет холодно, если это все, что у него было. Никакой обуви тоже. Приходилось задаваться вопросом, все ли варвары так плохо одевали своих детей или хозяин дома был скупым ублюдком. Ребёнок, очевидно, был рабом, но в «Славе» раб, который выглядел так, оскорблял своего хозяина.

Андрокл с презрением отвернулся и уставился в свой горшок, не в силах заставить себя закончить вторую половину. На вкус оно было такое, будто оно весь день простояло в кувшине, да к тому же его слишком сильно разлили водой. В нем не было пены, как в пиве, которое он собирался купить. На таком далёком севере здесь должно было быть только пиво, а не фруктовое вино. В конце концов, пиво на севере, пиво на юге и виноградное вино для Славы. И вообще, что они делали со всем этим ячменём? Он посмотрел глубже на напиток, но это была просто плоская тёмная поверхность без цвета. С каждым днём все это путешествие становилось все более неприятным. Его друг Никон посмеялся бы над ним, если бы он был ещё жив.

Словно намеренно нарушая его задумчивость, официант внезапно ударил Андрокла ручкой метлы по локтю, в результате чего горшок пролился ему на грудь, пропитав его пыльный белый плащ лиловым сливовым вином. Андрокл в приступе ярости вскочил на ноги и опрокинул стул. Мальчик был слишком потрясен, чтобы съежиться, его глаза широко раскрылись, рот отвис, он держал метлу обеими руками перед собой, как щит.

Быстро, как змея, Андрокл схватил метлу. — Повернись в сторону, мальчик, — мрачно сказал он.

"...почему?" — тихим голосом спросил официант.

«Я ударю тебя по задней части бедра за то, что ты испортил мой плащ! А теперь поверни!» — сказал Андрокл, нахмурившись настолько сильно, что вызвала молнию.

Мальчик как-то побледнел ещё, съёжился и стал умолять: «Пожалуйста, хозяин, пожалуйста, прости! Сжался!»

«Обернись, или я разобью тебе череп, мятежный раб!»

«Я не раб, господин, просто сирота! Пожалуйста! Ты выглядишь достаточно сильным, чтобы сломать мне ноги!» - сказал мальчик, широко раскрыв глаза от ужаса. Он начал плакать. Такой взгляд Андрокл много раз видел у взрослых мужчин, умоляющих сохранить им жизнь. Мальчику это не пойдёт на пользу. Возможно, это подействовало бы на его друга Диокла, но Диокл был мёртв.

"Повернись. Сейчас."

— Пожалуйста, хозяин, простите меня, — сказал мальчик, ещё не поворачиваясь, но теряя сопротивление. Он протянул руки в молитвенном жесте.

Андрокл нахмурился на мальчика, внезапно почувствовав некоторую нерешительность. Этот ребёнок был тощим, слабым и жалким существом. Недокормленные, без достоинства, без фамилии и будущего. Если бы такой ребёнок умер, никто бы этого не заметил, кроме его хозяина. Что-то вроде бывшего солдата без денег, если подумать.

«Хозяин, пожалуйста, если мне будет больно, он меня вышвырнет!» — умолял мальчик.

Мальчику следовало бы знать, что лучше не просить Андрокла о пощаде. Андрокл не был человеком, известным милосердием. «Я бы, наверное, сломал тебе ноги, если подумать об этом», — сердито сказал он, отложив метлу в сторону.

Мальчику потребовалась секунда, чтобы осознать, что он избавился от крючка, но как только он это сделал, его облегчение висело в воздухе настолько густо, что его можно было потрогать. Он преклонил колени и поклонился, как перед идолом, чтобы выразить свою благодарность. Вскочив, он сказал: «Я принесу вам ещё выпить, хозяин. Мне жаль.»

«Я не хочу этого. Первая половина была ужасной», — сказал Андрокл. «На самом деле, все в этой гостинице ужасно».

Теперь мальчик выглядел огорчённым. "Да Мастер. Все на это жалуются, и мне очень жаль. И мне жаль, что я неуклюж. Но я сирота, а ты смилостивился, так что, думаю, Палтос благословит тебя в ответ, — сказал мальчик, робко потянувшись за метлой.

— Боги не могут видеть всего, мальчик. И мне понадобится много милосердия от такого щедедушного бога, как Младенец.

«Боги не могут видеть всего, хозяин, это правда. Но некоторые из них добрые, и Палтос добрый. Он сильнее, чем вы думаете. Даже более могущественный, чем думают другие боги. И он определённо сильнее тебя, — сказал мальчик. С этими словами он посмотрел Андроклу в

глаза, и Андрокл впервые заметил, что они были тёмно-черного цвета, даже не коричневого, с крошечными белыми крапинками, похожими на звезды. Этот взгляд был пронзительно острым на мгновение, а затем мальчик смиренно кивнул и с новой целеустремлённостью схватил метлу. — Не хочу обидеться, хозяин. Сегодня вечером я помолюсь Палтосу, чтобы он благословил тебя.

«Выбери другого бога, мальчик. Это обманщик и назойливый человек. Молись доброму солдатскому богу, такому как Аркос Клятвоотец или Секатель, — ответил Андрокл, снимая плащ, чтобы нарочно выжать его на пол. Из него капало и разбрызгивалось внушительное количество сливового вина, а мальчик дипломатично молчал и принялся вытирать землю тряпкой. Андрокл добавил: «Они называют Палтоса Ребёнком и Сиротой, но он также немного ублюдок, во многих отношениях».

Нахмурившись, он задался вопросом, услышали ли боги это богохульство. Все проклинали богов в целом, но было глупо проклинать их по отдельности. Андроклу просто повезло, что один из них спрятал от него Деллу, и он больше никогда не увидит своих денег. Они были такими злобными.

Поскольку он не мог играть в азартные игры, он не смог бы оплатить проживание, когда хозяин гостиницы проснулся утром. Он предположил, что пришло время уходить, поэтому, как только его плащ был полностью выжат, он сказал: «Думаю, я лягу спать в другом месте. Мальчик, с этого момента следи за ручками метлы, — сказал Андрокл, застёгивая плащ на плечах.

«Я сделаю, хозяин. И ожидайте благословения, — сказал мальчик.

Он фыркнул и сказал: «Если только он не будет настолько большим, что о него можно будет споткнуться, я уверен, что пропущу его». Затем, ещё раз накинув на плечи мокрый плащ, он ушёл с таким хладнокровным достоинством, какое только мог притвориться.

Луна была полной и яркой и занимала почти половину неба, пока он шёл на север через деревню. Было холодно, но ровно настолько, чтобы раздражать. Просто холодно. И ему действительно следовало побить этого мальчика за то, что он испортил свой плащ; сейчас у него не было возможности продать его. Затем ему придётся продать свой ксифос, и не было никакой надежды получить в этих землях хороший железный меч по справедливой цене.

Злость делала его менее утомлённым, поэтому он решил пройти несколько миль вглубь страны и поспать завтра поздно утром, наслаждаясь лунным светом и одиночеством.

Едва он вышел за шаткие деревянные стены деревни, как заметил ветер, от которого холод казался ужасно жалищим. Возможно, он всё-таки не уйдёт далеко. Он также снова начал желать, чтобы у него все ещё была рубашка. В то время его продажа не беспокоила его, так как без доспехов их никто не носил, но это уберегло бы от ветра. По крайней мере, его сандалии и юбка были в хорошем состоянии.

Дорога шла примерно на северо-запад, и луна освещала холмы и горы так, что они мерцали, как старое серебро. Густые деревья, раскинувшиеся вдоль холмов, в лунном свете выглядели почти как необработанная шерсть, равномерно раскинувшись по ландшафту. Он отбросил длинную тень, которая казалась немного длиннее лунных теней на «Славе». Возможно, это произошло потому, что он находился дальше на север.

Восток, запад и юг — он повидал весь цивилизованный мир и большую часть варварских земель, но армия никогда не водила его на север. Все, что он знал о варварском севере, — это

то, что рассказала ему Делла, а она всегда говорила туманно, предпочитая другие темы. Пока что он не был впечатлён.

Примерно через час он понял, что хорошо проводит время и его настроение улучшилось, но он начинал нервничать, что мальчик действительно будет молиться Младенцу, а бог решит вмешаться в его дела. Если только боги не собираются бросить Деллу ему на колени со всеми его деньгами в мешке, он предпочёл бы, чтобы они остались при себе. У него не было времени, ресурсов или желания почтить их; лучше просто игнорировать.

Переходя по небольшому мосту через сухое ущелье, он сильно споткнулся пальцем ноги о что-то, торчащее из дерева, споткнулся и упал. Он немедленно огляделся, чтобы убедиться, что никто этого не заметил; дороги, конечно, все ещё были пусты. С громким проклятием он откинулся на спинку стула и внимательно осмотрел свой палец на ноге, чтобы он мог видеть его в лунном свете. Кровотечения не было. Или сломанный. Только что ударили, и было больно, как от дюжины ударов. Он нащупал гвоздь, в который пнул ногой, намереваясь выдернуть его и бросить как можно дальше. Когда он нашёл это, все было не той формы. Оно было круглым и плоским по бокам и...

Вытащив его из-под досок и подняв, чтобы осмотреть в лунном свете, Андроклу пришлось ухмыльнуться. Это была золотая монета в четыре веса, которая каким-то образом упала между досками и была пропущена. Это было невозможно. Золото в четыре веса стоило сто серебряных. Это был полный сезон работы для солдата. Похоже, он был милостив к нужной сироте! Он не смог удержаться от смеха и громко рассмеялся в пустой ночи.

«Спасибо, о великий бог Палтос! Я использую часть этого, чтобы накормить следующих голодных сирот, которых я встречу, — пообещал он звёздному небу. Через мгновение он добавил: «И мне жаль, что я назвал тебя ублюдкой».

Когда он снова встал, то обнаружил в своей походке новую живость, соответствующую его хорошему настроению. Он начал подбрасывать монету в воздух, прислушиваясь к звенящему звуку, который она издавала при вращении. Хотя он слышал, как большая стая волков воет над холмами, они, казалось, не были достаточно близко, чтобы вызывать какое-либо беспокойство, и в любом случае им не понадобится его золото.

Что это была за монета! «Его друг Евфимий уже пытался бы убедить его разделить деньги или сделать ставку, если бы он был здесь и не умер», — с усмешкой подумал Андрокл. Евфимий нашёл бы способ потерять или потратить его до восхода солнца; зарплата этого человека всегда исчезала через неделю. Нет, лучше всего было бы разделить его где-нибудь и использовать часть, чтобы купить ещё один плащ и, возможно, тунику или халат. И немного пива, сытного и пьянящего. И все, что он хотел, в течение нескольких месяцев.

Может быть, ещё через милю он найдёт труп Деллы, сжимающий в руках мешок со всеми своими деньгами. Тогда, возможно, он мог бы отдать золотую монету какой-нибудь вдове, чтобы почтить богов, и она и ее выводок из десяти голодных детей могли бы есть в течение нескольких месяцев. Это был бы героический поступок: внезапно появиться ветеран войны с высоко поднятой головой перед плачущей вдовой, прижимающей к груди болезненного младенца. Она, конечно, будет голодать, и это произойдёт на каком-нибудь залитом солнцем городском рынке, где она будет просить милостыню в окружении множества людей. И все они видели, как он подошёл к ней и бросил ей в руку эту гигантскую золотую монету с благодатным выражением лица, полным решимости и милосердия, и использовали его как пример для обучения детей.

Ха! А затем он уединится в своём поместье и на ферме и найдёт себе новую жену, и она родит ему четырёх красивых сыновей и одну прекрасную дочь, именно в таком порядке.

Это была весёлая мысль, золото восхитительно блестело в лунном свете. Конечно, так оно и было. Он подбрасывал его все выше и выше, напрягая большой палец, чтобы тот взлетел в воздух. Примерно через милю, время от времени подбрасывая монету, он с радостью отметил, что лёгкий ветер сделал своё дело, и его плащ наконец-то высох. Пятнистый, но сухой. Он шёл, подбрасывая монету все выше. Он был тяжёлым, и это было чудесно. Пусть придёт какой-нибудь бандит и попробует его забрать! Андрокл отдал бы кровь этого человека на землю в качестве подношения Рубателю, и бандит встретил бы Макрона Трупоеда или какой-то другой бог забрал нечестивых мертвецов в этих землях.

В тот самый момент, когда монета достигла высшей точки, из-за куста выскочила белая штука и вонзила зубы ему в бедро, прямо сквозь толстую льняную юбку.

1.Ксифос — обоюдоострый одноручный прямой короткий меч железного века, использовавшийся древними греками. Это было вторичное боевое оружие греческих армий после дори или копья. Классический клинок обычно имел длину около 45–60 см (18–24 дюйма), хотя в эпоху греко-персидских войн спартанцы предположительно предпочитали использовать клинки длиной всего 30 см.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/99815/3399834>